

вещами, которые спокойно лежали у татан на сохраненіи, а главное, это обстоятельство прекрасно знала не только я, но и миссъ, и Аня. А Григорій Павловичъ, такъ тотъ даже прозвалъ меня «охотящейся Діаной» и дразнилъ этимъ именемъ, когда я появлялась у нихъ въ комнатѣ и начинала поиски за несуществующей вещью. Онъ опускался передъ Аней на колѣни, цѣловалъ ея руки и патетически восклицалъ: «Ну-съ, теперь идите скорѣе къ вашей добродѣтельной дщери Альбіона и доложите ей, что вы здѣсь, вместо всѣхъ ея ключей, клубковъ съ шерстью, очковъ и т. п., нашли раба, который страшно обожаетъ своего господина.» — Сестра въ такихъ случаяхъ краснѣла, я вздыхала, миссъ всплескивала руками, а татан съ усмѣшкой снова принималась за чтеніе новаго романа Зола.

Часто, однако, оба они просили меня сыграть имъ что-нибудь; сестра просила что-нибудь грустное, а женихъ ея, напротивъ, требовалъ веселое, бурное. Я охотно исполняла ихъ просьбы и часто, бывало, забывала все въ мірѣ за Рубинштейновскимъ «Демономъ» и переставала играть только тогда, когда мои руки опускались отъ усталости. Вообще, всѣ хвалили мою игру; говорили, что я йграю съ душой и что у меня большія способности къ музыкѣ. И недавно даже одинъ старый полковникъ, большой знатокъ музыки, выразился про меня слѣдующимъ образомъ: «Вотъ когда въ ней заговорить еще любовь, тогда у нея явится настоящій тонъ.» Да,